

КАРТИНА под названием «Рыцарь мечты» (производство студий «Молдова-Фильм» и «Ленфильм», сценарий В. Дербенева и Л. Рутлико, режиссер и оператор В. Дербенев) посвящена писателю Александру Грину, но не является экранизацией какого-либо гриновского произведения. Она задумана сложно и имеет тройную цель: воспроизвести ранние страницы биографии Грина; дать представление о его творчестве; показать, как впечатления жизни, переплетаясь с фантазией художника, претворяются в искусство, — заглянуть в тайны творческого процесса.

Картина снята в цвете, но уже в самом начале ее врезан строгий черно-белый кадр с фразой авторского посвящения. В ней говорится о любви к писателю, о том, что романтическое искусство его живо и нашло благодарный ответ в человеческих сердцах. И только одно способно настроить в этой фразе: обилие слов, написанных с большой буквы — Море, Мечтатель, Жизнь, Надежда, Несбывшееся... Когда же картина приходит к концу, от нее остаются трудно мнящиеся друг с другом ощущения. Полное доверие к преклонению авторов перед Гриним и вместе с тем явственность неудачи, которая их постигла. Несмотря на блистательное мастерство оператора. Несмотря на виртуозность переходов от цветного к едва окрашенному — к черно-белому. Несмотря на то, что с тончайшей поэтичностью сняты В. Дербеневым пейзажи «лесной реки» и, еще более, пейзажи восточного Крыма, взятые сами по себе, представляют абсолютную и удивительную художественную ценность.

И не только это одно. Есть глубоко и драматично переданная атмосфера тяжелой тоски провинциального захолустья, до душности, до безнадежности замкнутого, скудного и мертвящего. Она — в недоброй настроенности приземистых домов, жадно, всеми своими щелями и оконцами подсматривающих за прохожими, и в самих прохожих, и в лицах, застывших на почтительно хранимых семейных фотографиях, во всех этих «рытых да траченых» лицах. И все же то подлинное, что есть в картине, оттерто и загромождено стихией совсем иного рода.

Стихией «гриновской романтики»? Нет, к сожалению, всем тем, что явилось вместо нее и что претендует ею быть. «Прозе» в картине должно было противостоять «чудо», она ведь задумана как рассказ о чудесах; о волшебстве фантазии, магии мечты, чуде рождения искусства. Но вместо чуда на экране возникают всего лишь обложки чудес, груда радужно переливающихся, блестящих облочков. По мере развития действия они только умножаются числом, образуют легкие, сухо шелестящие

лишь косвенно и требуют некоторого отступления в сторону. Отступления в область не новых, но и по сей день не исчерпанных разговоров о романтике.

РОМАНТИКА в почете сегодня, и в соответствии с этим в почете и в моде писатель Александр Грин.

Дом писателя в Старом Крыму, долгое время оставшийся тихим и безлюдным, сегодня превратился в одну из самых заманчивых целей для экскурсантов, почти в ме-

Вместе с тем нельзя сказать, чтобы само имя Грина ничего не говорило моим полутчикам. Грин — это нечто романтическое. Нечто такое, что следовало бы знать. Смутно заманчивое, прельщающее, влекущее. Каравеллы, бригантинны, алые паруса...

«Каравелла», «Бригантина», «Алые паруса» — сейчас это еще и популярнейшие названия молодежных кафе и клубов. Опять-таки и за этим не следует, видимо, искать поводов для тех или иных окончательных умозаключений.

далеких прадедушек и прабабушек, исправно несших романтическую повинность, поза байронической разочарованности.

Поэтому, если молодой человек наших дней всецело обращен к романтике, условно говоря, «бригантинны», — это не только подтверждение тяготения молодежи к романтике, но еще и доказательство смутности этого тяготения.

Само собой, что к Александру Грину такие упреки ни в коем случае не могут быть обращены. При

мого владельцами «альми парусами», до пристрастия к кофеинитам при свечах. Все это таит в себе немалый соблазн по причине своей абсолютной невинности, все это вопиет о снисхождении, — да и кто в конце концов решился бы бросить камень?.. Условимся только об одном: эти маленькие модные чудачества не стоит выдавать за романтический строй наших душ: Такого строя они, может быть, даже и не исключают. Но уж никак не гарантируют, не обеспечивают его.

ОДНАКО могут спросить: это затянущееся отступление, вся эта «песпящая» часть рецензии, разве имеет она прямое отношение к картине «Рыцарь мечты»? Прямого не имеет. Ее авторы действительно любят Грина. Местами, используя в сценарии текст «Автобиографической повести», они делают это умело и мастерски, почти ювелирно. Суетно-легкомысленное, «потребительское» отношение к Грину им действительно чуждо. И все-таки трудно представить себе, пожалуй, что-нибудь менее гриновское, чем тягостно затянутые и многозначительные проходы по морскому берегу актрисы, играющей Диану, чем весь этот образ, являющийся из морской пены, окутанный в облако нейлоновых покрывал, с подчеркнуто воздушной поступью, с каким-то даже удивительным отсутствием духовного содержания. Оно, это содержание, не было задано сценарием хотя бы даже в минимальной степени.

Книги Александра Грина издаются сегодня многотысячными тиражами. На набережной в Феодосии продают обкатанные морем камешки с изображением алых парусов. И первое, и второе — разные стороны одного и того же сложного, внутренне неоднородного явления. Рост культуры, — и издержки его, причуды моды, безразлично «рыночной» ли или «язысканно интеллигентской». Несмотря на все хорошее, что есть в картине «Рыцарь мечты», к «модному Грину» она оказывается все-таки ближе, чем к Грину подлинному.

В этом, наверное, ее самая главная неудача.

КАРАВЕЛЛЫ, БРИГАНТИНЫ, АЛЫЕ ПАРУСА...

вороха, готовые расемпаться от каждого дуновения. Им слишком недостает веса, крови и плоти — даже и чудесам не противопоставить эти свойства.

Но ведь, казалось бы, все это сугубо «гриновское», «ультрагриновское» — тяжелая шкатулка с портретом молодой женщины, боцман, по-пиратски повязанный красным платком, завещание старого капитана, письмо, которое поручено вручить любой ценой... Соленые морские бризги, морской простор, великолепие парусов и рей... Фрегаты, бригантинны, каравеллы...

Вероятно, в большой степени неудача картины объясняется тем, что попытка сочинить за Грина нечто «гринобразное» сама по себе была уж очень рискованной. Из условных и относительных «элементов», «знаков» гриновского романтизма сложился столь же условный, приблизительный узор. Возникла калька, снятая с книг писателя, и, как и следовало ожидать, она оказалась слепой и расплывчато водянистой.

«Чудеса» в этой картине обильны, изобразительно щедр и агрессивны, но полны изнутри. Наверное, именно здесь главная ее слабость, повлекшая за собой все остальное.

Все сказанное выше относилось к поискам причин неудачи «Рыцаря мечты», причин, лежащих «внутри» картины. Но есть, мне кажется, объяснения иного рода. Расположенные за пределами самой картины, они связаны с ней

сто обязательного падопничества. Прибыв на отдых в Крым, сегодня принято совершить непременно поездку в «домик Грина». Сфотографироваться вместе с вдовой писателя. Сорвать на память несколько листьев со старого ореха в саду. Затем, поскольку выезды эти бываю, как правило, коллективными, возглавленными экскурсоводом, проследовать на автобусе к городскому кладбищу. Снова сфотографироваться. Здесь, у могилы Грина, экскурсовод приступает к завершающей части «гриновской программы». «Мы все здесь романтики», — говорит экскурсовод и сообщает, что у могилы Грина будут теперь проводиться массовые слеты романтиков — с такого-то дня и вперед.

Иронического или, наоборот, доброго отношения заслуживает все это, хорошо это или плохо?.. Это сложно. Может быть, именно такой состав участников подобран случайно, но в той экскурсии, о которой идет сейчас речь, никто не читал книг Грина. Все это действительно сложно, и прежде всего в отношении к этому следует исключить малейшую долю снобизма. Если кто-то не читал Грина, то, возможно, именно теперь прочтет. Или, может быть, сама эта поездка внесет в представление о писателе что-то точное и личное. Наконец, может быть, еще нет особого греха даже и в том, что человек вообще не знает книг Александра Грина.

Названия бываю разные. Например, в американском городе Колумбия существует, прочли мы недавно в газете, кафе под названием «Неопознанные летающие предметы». А у самого Грина описано кафе под вывеской «Отвращение». Дело не в названиях, а в моде; в том, что за модой стоит.

Но если студенческое кафе, романтически названное «Бригантиной», или, скажем, черные паруса, изображенные в качестве эмблемы на рукаве грибника, берущего с бою место в подмосковной электричке, или засушенный краб, хранимый в виде амулета на загорелой груди курортника, или многое другое, подобное, — если все это есть свидетельство поисков и потребности в романтике, то никак нельзя утверждать, что такой вывеской, такой эмблемой, таким амулетом поиски романтики успешно увенчаны, потребность в романтике удовлетворена. Хотя бы потому, что в реальной жизни бригантина является только тогда, когда ее снимают в кино. Хотя бы потому, что романтика бригантин нуждается в искусственном будоражении, подогревании, взвизывании, оставаясь, по существу, сугубо литературной, книжной. Хотя бы потому, что сегодня «бригантина» — это всего лишь условный, неопределенный знак, лишенный конкретного жизненного содержания. Почти в той же мере условный и меланхолически отвлеченный, каким была в свое время для наших

том, что, как никто другой, он знал красоту и власть всех этих пленительных атрибутов романтики — и необходимость громады парусов над узким деревянным телом парусника, и бывалость старых капитанов, проселенных всеми морскими ветрами, и веселье приморских кабачков и таверн, обжигую надежные гавани и бескрайность морских просторов. При том, что, как никто другой, он умел находить для их описания удивительные слова восхищения и любви. Но несравненно больше значило для него другое. Неколебимая верность Давеванта. Готовность к счастью, обезоруживающая распахнутость сердца Ассоль. Строгая, небрезгливая доброта Гелли, «девушки из хорошей семьи». Отчетливый голос Фрези Грант, слышимый всем, потерпевшим беду, всем, ждущим помощи: «Я тороплюсь, я бегу... Не скучно ли на темной дороге?..». И не будь всего этого в гриновских книгах, не будь все это в его книгах главным, не существовало бы писателя Александра Грина, был бы всего лишь «модный Грин».

Входящий, впрочем, существенной составной частью в сферу «модной романтики». Ее же область расплывчата, и возрастной ценз ее приверженцев отнюдь, кстати, не ограничен юношескими контингентами. Ее проявления различны. От шкиперских бород до шкиперских трубок. От мебельного гарнитура, любовно именуе-

«Собеседник» 16 ноября 1968.